

Galina Iosifovna Kolosova

Книги XIX века, запрещенные царской цензурой, в библиотеке профессора и цензора А.В. Никитенко

Bibliotheca Nostra : śląski kwartalnik naukowy nr 2, 20-29

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ГАЛИНА ИОСИФОВНА КОЛОСОВА
Научная библиотека Томского государственного университета

КНИГИ XIX ВЕКА, ЗАПРЕЩЕННЫЕ ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРОЙ, В БИБЛИОТЕКЕ ПРОФЕССОРА И ЦЕНЗОРА А.В. НИКИТЕНКО

В истории книжной культуры России XIX века издания, запрещенные царской цензурой, занимают особое место. В фонде Научной библиотеки Томского государственного университета хранится собрание нелегальных и запрещенных произведений печати XIX века, насчитывающее около ста названий книг, которые отражены в каталоге *Русские нелегальные и запрещенные издания XIX века в Научной библиотеке Томского университета* [Колосова, 1983]. Многие из них поступили в составе частных библиотек, которые покупались или передавались в дар первому университету Сибири. Личные библиотеки – это не только ценнейший источник для изучения личности самого владельца и круга его общения, его духовных и профессиональных интересов, но и своеобразный исторический документ того времени, в котором жил и работал ее владелец. В таком контексте несомненный интерес представляет библиотека Александра Васильевича Никитенко (1804–1877), который известен как профессор Петербургского университета, академик, историк литературы и литературный критик, писатель и цензор. А.В. Никитенко с 1833 по 1848 год, параллельно с преподавательской и научной деятельностью, выполнял ещё обязанности цензора в Петербургском цензурном комитете, с 1860 по 1862 был членом Главного управления цензуры, а с 1862 по 1865 – членом Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания. Благодаря такой многообразной деятельности он находился в самой гуще событий в общественной и литературной жизни России XIX столетия. На протяжении всей своей жизни А.В. Никитенко вел *Дневник* [Никитенко, 1955а], который считается одним из авторитетных документов того времени. *Дневник* даёт представление о его научной деятельности, о круге общения с людьми своего времени, а также содержит живые непосредственные отклики очевидца на множество политических, общественных и культурных событий того времени. Кроме того, в нем показан процесс его работы

с книгой, и не только как читателя, но и как литературоведа и цензора, что позволяет узнать его мнение по тому или другому случаю и понять сложившуюся к тому времени ситуацию.

В апреле 1833 года С.С. Уваров, бывший в то время министром народного просвещения, предложил Никитенко занять должность цензора. При назначении его на эту должность в 1834 году министр напутствовал: „Действуйте [...] по системе, которую Вы должны постигнуть не из одного цензурного устава, но из самих обстоятельств и хода вещей. Но при том действуйте так, чтобы публика не имела повода заключить, будто правительство угнетает просвещение” [Никитенко, 1955b, с. 130]. Свое решение о совмещении преподавательской деятельности с работой в цензурном комитете Александр Васильевич охарактеризовал как „опасный шаг”, но шаг, длиною в пятнадцать лет, был им всё же сделан.

Следует отметить, что в то время, когда Никитенко был назначен на должность цензора, в России уже действовал новый (второй) жесткий цензурный устав, утвержденный Николаем I в 1826 году, прозванный современниками „чугунным”. Хотя в 1828 году он был заменен несколько смягченным вариантом, однако цензурные ограничения и преследования авторов и издателей всё же значительно усилились. Согласно уставу были созданы Главное управление цензуры при Министерстве народного просвещения и сеть подчинявшихся ему местных цензурных комитетов. На практике цензуру осуществляло 3-е отделение Собственной его императорского величества канцелярии, так как цензоры были обязаны сообщать сведения о вольнодумных авторах и их произведениях. Ужесточение цензурного контроля коснулось, прежде всего, общественно-литературных журналов, художественных произведений. Период же с 1848 по 1855 год вошёл в историю России как „эпоха цензурного террора”, причиной были революционные события, происходившие в странах Западной Европы. 2 апреля 1848 года по распоряжению Николая I был учрежден постоянный негласный комитет, получивший название „Бутурлинский”, по фамилии его первого председателя Д.П. Бутурлина. В задачу комитета входило рассматривать то, что уже вышло из печати, а также осуществлять высший надзор за журналистикой и наблюдающими за ними учреждениями. Членам комитета рекомендовалось обращать большое внимание на содержание, скрывающееся „между строк”, и обо всех своих наблюдениях и замечаниях докладывалось Николаю I. Таким образом, наряду с предварительной цензурой вводилась и карательная, так как комитету была предоставлена и самостоятельная власть, если решение его было единогласным. Специальными циркулярами запрещалось публиковать исследования по фольклору, истории народных движений и тому подобных, резко

сократилось и количество издаваемых журналов, газет, книг. В таких условиях проходила цензурная деятельность Никитенко.

Интересно, что в своем *Дневнике* Никитенко очень подробно изложил историю своего ареста и восемь дней, которые он провел на гауптвахте в декабре 1834 года за то, что разрешил напечатать в журнале „Библиотека для чтения” перевод на русский язык стихотворения В. Гюго *Красавице*. Уже в 1835 году Никитенко, которому было поручено осуществлять цензурный контроль художественных сочинений и журналов гуманитарного направления, в одной из своих дневниковых записей отметил: „Один только цензор может читать по обязанности все, что ныне у нас пишут. Иначе и быть не может. У нас нет недостатка в талантах; есть молодые люди с благородными стремлениями, способные к усовершенствованию. Но как могут они писать, когда им запрещено мыслить?” [Никитенко, 1955b, с. 171]. Достаточно быстро он приобрел репутацию авторитетного советника по делам печати при многих министрах народного просвещения. С другой стороны, служба в цензурном комитете дала Никитенко возможность быть у истоков литературного процесса того времени, а кроме того, от него порой зависела дальнейшая судьба многих произведений. Известны случаи, когда ему удавалось добиться публикации сочинений, ранее отклоненных его сослуживцами по комитету. Ярким примером является его участие как цензора в издании поэмы Н.В. Гоголя *Мертвые души* в 1842 году [Литературное наследство, 1952, с. 614].

А.В. Никитенко всю свою сознательную жизнь собирал библиотеку, служившую базой для его постоянного самообразования и формирования его личности от крепостного крестьянина до академика. История поступления книжного собрания А.В. Никитенко в библиотеку Томского университета связана с именами достаточно известных людей в России того времени. Прежде всего, это В.М. Флоринский (1834-1899), которого по праву считают не только устройтелем императорского Томского университета, но и основателем его библиотеки, а также И.Т. Глебов (1806-1884), известный русский физиолог и анатом, долгие годы друживший с А.В. Никитенко. В письме от 5 января 1879 года Глебов пишет Флоринскому: „При сем случае нужным считаю сообщить о следующем. Вероятно, Вы помните бывшего некогда профессором Санкт-Петербургского университета, а потом академика Академии наук А.В. Никитенко. Он умер, и после него осталась замечательная библиотека, составляемая им для себя. Вдова отдает ее дешево. Для университета это будет драгоценное приобретение. Это не то, что наши книги. Не упустите случая. Если хотите, можете познакомиться близко и подробно с этою библиотекою. Есть каталог” [Ястребов, 1995, с. 67]. Вскоре Флоринский получил каталог и, ознакомившись с ним, сообщил вдове профессора о своем намерении приобрести библиотеку. В 1880

году она была куплена, причем деньги на ее покупку в размере 2000 рублей были выделены Томской городской думой.

В настоящее время, благодаря сохранившемуся рукописному алфавитному каталогу, библиотека почти полностью восстановлена, она насчитывает более 2660 экземпляров книг и периодических изданий. По хронологическому охвату в собрании представлены издания с начала XVIII века до 1876 года. Большую часть библиотеки составляют книги по истории, философии, литературоведению, а также художественные произведения, причем многие из них с дарственными надписями современников А.В. Никитенко [Колосова, 2009]. Несомненный интерес представляют издания XIX века, которые в свое время по разным причинам были запрещены царской цензурой, но нашли свое место на книжных полках профессора и цензора А.В. Никитенко. Всего в его библиотеке выявлено 18 таких книг, рассмотрим только некоторые из них.

В 1837 году в Петербурге чиновник Министерства юстиции Е.Ф. Бутович-Бутовский издает, переведенный им на русский язык рассказ французского писателя Ж.Б. Шампаньяка *Убийство Фюальдеса: процесс 1*. В предисловии Бутович-Бутовский пишет что намерен издать некоторые известные уголовные процессы в серии под названием *Рассказы о преступлениях и невинности*. А.В. Никитенко был цензором, который 10 сентября 1837 года дал разрешение на печатание этого сочинения. Но уже в 1838 г. книга, в количестве около 100 экземпляров, была изъята из обращения по распоряжению Николая I, который нашел неприличным печатать книгу с таким названием. В библиотеке Никитенко сохранился один экземпляр этого сочинения, подаренный ему, видимо, в знак благодарности, переводчиком и издателем. На обороте обложки имеется запись: „Его Высокоблагородию Александру Васильевичу Никитенко. Признательный Бутович-Бутовский”. Следует отметить, что согласно данным *Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати XIX века* [Каталог, 1982, с. 183] только в шести крупных библиотеках страны сохранились экземпляры этого издания.

Наиболее яркий пример, показывающий личную оценку Никитенко одной из запрещенных книг – это история с изданием И.Е. Великопольским своей трагедии *Янетерской*. Она была написана в 1838 году и первоначально имела название *Незаконнорожденный*. 17 сентября 1840 года цензор Е.И. Ольдекоп, ознакомившись с рукописью, дал разрешение на печатание этого произведения, которое автор издал на свои средства. В феврале 1841 года цензор выдал билет на выпуск тиража книги из типографии. Вот запись, которую Никитенко сделал в *Дневнике* 5 марта того же года: „Некто [И.Е.] Великопольский, псевдоним Ивельев, написал драму *Янетерской*. Она плоха и сверх того безнравственна и полна сценами и выражениями, которые у нас не

допускаются в печати. По непонятному недоразумению, однако, она была пропущена цензором Ольдекопом. Лишь только драма вышла из печати и попала в руки министра, он немедленно отрешил от должности цензора и велел повсюду отобрать экземпляры её и сжечь. Сегодня в одиннадцать часов утра состоялось это аутодафе, при котором велено было присутствовать мне и Куторге” [Никитенко, 1955b, с. 229]. Вероятно, что Никитенко, присутствуя на этом аутодафе, взял один экземпляр этой книги, на форзаце которой затем сделал следующую запись: „Драма эта сожжена по предписанию Министра народного просвещения и распоряжению Цензурного комитета, мною и цензором Куторгою марта 5 1841 года в числе 700 экземпляров, для чего были затоплены четыре печки”. Как видим, запись на книге дополняет запись, сделанную Никитенко в *Дневнике*. По официальным данным тираж издания был 720 экземпляров.

В библиотеке Никитенко сохранились два сочинения П.А. Кулиша *Михайло Чарнышенко или Малороссия восемьдесят лет назад и Украина*, изданные в 1843 году в Киеве. При этом на экземпляре *Михайло Чарнышенко* имеется дарственная надпись: „Его Высочородию Александру Васильевичу Никитенку [sic] в знак отличного уважения от Автора”. А.В. Никитенко был хорошо знаком с П.А. Кулишем ещё по Петербургскому университету. Вот как Никитенко описывает в своем *Дневнике* историю запрещения произведений П.А. Кулиша. Запись в *Дневник* была сделана 2 мая 1847 года: „В нескольких номерах журнала «Звездочка», издаваемого А.И. Ишимовой, была в прошлом году напечатана краткая история Малороссии. Автор её П.А. Кулиш. Теперь из-за неё поднялась страшная история. Кулиш был лектором русского языка у нас в университете: его выписал сюда и пристроил Плетнев. По ходатайству последнего он был призван Академией наук достойным отправлением за границу на казенный счет. Его послали изучать славянские наречия. Он поехал и взял с собой пачку отдельно отпечатанных экземпляров своей *Истории Малороссии* и по дороге раздавал их, где мог. Теперь эту историю и Кулиша схватили. Он уже в Варшаве с молодой женой, на которой всего два месяца женат. У цензора Ивановского спрашивают: «Как он пропустил сочинение Кулиша?» Он ответил прямо, что «это ошибка и что он виноват». На отдельных книжках стоит имя Куторги и он тоже призван к допросу”. Далее Никитенко пишет: „Я, наконец, достал «Звездочку» и прочел историю Кулиша; теперь мне понятно, почему Ивановский не мог ответить ничего, кроме: «виноват». Государь, увидев под отдельными книжками имя цензора Куторги, велел посадить его в крепость” [Никитенко, 1955b, с. 303-304].

В июне 1847 года эти два произведения П.А. Кулиша вместе с сочинением Т.Г. Шевченко *Кобзарь* были запрещены циркулярным распоряжением Департамента полиции по высочайшему повелению импера-

тора Николая I. Цензурному ведомству было предписано „не позволять впредь перепечатывать означенные сочинения новым изданием” [Добровольский, 1962, с. 35].

Интерес представляет и цензурная история издания *Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка*, предпринятого Н. Кириловым. Редактором первого выпуска, который увидел свет в 1845 году, был В.Н. Майков. Второй выпуск вышел в апреле 1846 года, но редактором уже был М.В. Буташевич-Петрашевский, который являлся также автором многих статей, помещенных в словаре. Издание словаря осталось незаконченным, так как уже в мае Петербургский цензурный комитет вынес решение о конфискации второго выпуска. В связи с этим 12 октября 1846 года в *Дневнике* Никитенко сделал запись: „По цензуре новая скандальная история. Цензор А.А. Крылов пропустил книгу: „Словарь иностранных слов”, которую издает какое-то общество молодых людей. Книга действительно такая, что по уставу её не следовало пропускать. Но всего интереснее, что издание посвящено великому князю Михаилу Павловичу. Произошла тревога, Крылову сделали выговор, книгу велели отобрать у книготорговцев, тем дело и кончилось. По крайней мере, все затихло” [Никитенко, 1955b, с.297-298]. В ноябре 1849 года, после суда над петрашевцами, вспомнили и о первом выпуске словаря. Тщательно просмотрев словарь, члены негласного комитета по надзору за печатью, также признали книгу вредной и опасной и постановили выявить оставшиеся в магазинах и складах экземпляры и конфисковать.

4 января 1847 года в *Дневнике* Никитенко записал, что первого января вышел первый номер журнала „Современник”, который произвел хорошее впечатление и получил благоприятные отзывы. Следует отметить, что издатели журнала И.И. Панаев и Н.А. Некрасов пригласили А.В. Никитенко на должность официального редактора журнала. Правда, на этой должности он пробыл недолго, так уже 5 февраля он пишет: „Я начинаю подумывать о том, чтобы отказаться от редакции «Современника». Скоро, но что же делать. Мне слишком тяжело находиться в постоянной борьбе с издателями, которых в свою очередь может тяготить мое влияние” [Никитенко, 1955b, с. 301].

В начале 1848 года И. Панаев и Н.А. Некрасов подготовили к изданию „Иллюстрированный альманах”, как приложение к журналу „Современник”, но несмотря на то, что уже имелось цензурное разрешение на выпуск альманаха, редакция приостановила рассылку его подписчикам. Это было связано с резко изменившейся политической обстановкой в России после февральской революции 1848 года во Франции. В стране, особенно после создания негласного комитета по надзору за печатью, началась полоса жесточайшей реакции, особенно по отношению к изданиям художественных произведений и периоди-

ческих изданий. А.В. Никитенко, опасаясь неприятностей по службе, вышел из состава редакции журнала „Современник”. Н.А. Некрасов и И.И. Панаев, беспокоясь за судьбу своего журнала, вторично представили „Иллюстрированный альманах” в Петербургский цензурный комитет. Альманах был отослан на отзыв цензору А.А. Крылову, который дал отрицательную оценку. Среди прочих нарушений цензурных предписаний цензор отметил, „что нельзя дать разрешение на появление в свет иллюстраций, которые были помещены в альманахе, так как в них можно узнать карикатурные портреты многих лиц, весьма известных публике” [Долгих, 1977, с. 125]. Запрещение на карикатурные портреты действовало долгие годы по отношению к иллюстрированным изданиям, выходившим в России. Окончательное решение о запрете „Иллюстрированного альманаха” было вынесено 20 октября 1848 года на заседании Главного управления цензуры, но тираж не был уничтожен и альманах смог найти своих читателей. Судя по инициалам „И.П.”, вытисненным на кожаном корешке книги, ранее экземпляр принадлежал И.И. Панаеву, который и передал его А.В. Никитенко.

Что может быть безобиднее народных сказок и легенд? Но, тем не менее, *Народные русские легенды*, собранные А.К. Афанасьевым и изданные в Москве в 1859 году, были запрещены, а цензор Д.М. Наумов, разрешивший сборник к изданию, был уволен с должности. Медлительность цензурных органов по изъятию книги из обращения позволила издателям распространить тираж сборника почти полностью. Один экземпляр Никитенко успел купить в свою библиотеку. Интересна судьба этой книги уже в библиотеке университета. Библиографические данные об этом издании сборника, хотя он и был издан в 1859 году, были внесены в *Алфавитный каталог изданиям, на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатыванию в России* [Алфавитный каталог, 1888, с.6], который рассылался по крупным библиотекам России. На этом основании библиотекарь университета С.К. Кузнецов на экземпляре из библиотеки Никитенко сделал отметку: „Не подлежит выдаче”.

В библиотеке Никитенко сохранилась небольшая брошюра под названием *Для тех, кому ведать надлежит: записки русского литератора о польско-русском деле*, изданная в 1861 году в Берлине. Хотя автор в книге не указан, но его имя установлено – им являлся И.А. Арсеньев, журналист, сотрудник „Северной почты”, редактор „Петербургского листка” и „Петербургской газеты” [Лемке, 1904, с.168]. На экземпляре, который находился в библиотеке Никитенко, имеется дарственная надпись: „Глубокоуважаемому Александру Васильевичу Никитенко на память о польско-русском деле”. Надпись без подписи, но в своем Дневнике Никитенко пишет о многочисленных встречах с И.А. Арсеньевым, что дает нам возможность считать надпись авторской.

Представляет особый интерес целый блок книг на русском языке, изданных в Берлине, Женеве, Лейпциге, но запрещенных к ввозу и распространению в России. Так, например, в библиотеке Никитенко сохранилось сочинение В.Л. Пушкина *Опасный сосед*, напечатанное в типографии Брокгауза в 1855 году в Лейпциге с предисловием С.Д. Полторацкого. Возникает вопрос: где и как Никитенко смог их приобрести? Записи, сделанные Никитенко в *Дневнике* во время его поездок за границу, во многом подтверждают, что книги он покупал в книжных магазинах во время этих поездок.

Конечно, Никитенко прекрасно знал, что все издания А.И. Герцена, напечатанные в Лондоне в Вольной русской типографии, были в России под строжайшим запретом, но тем не менее, во время пребывания в Швейцарии в июне 1860 года Никитенко, судя по записи в *Дневнике*, сообщил о том, что читал последний номер газеты „Колокол”, которую принес ему граф А.А. Апраксин.

Еще об одном интересном событии во время поездки по Германии говорит запись А.В. Никитенко сделанная в *Дневнике* летом 27 августа 1862 года: „Четверг. (В Берлине). Прочитал брошюру А.И. Кошелева: *Конституция, самодержавие и земская дума*, которую купил в здешнем магазине. В брошюре много справедливого. Мысль о земской думе мне кажется и верною и практически применимою, если государь захочет и ему не помешают. Но тут есть одна щекотливая вещь: не нарушится ли с думою принцип самодержавия?” [Никитенко, 1955b, с. 297]. Эта брошюра, изданная в Лейпциге в 1862 году, была запрещена для распространения в России, как и многие другие произведения А.И. Кошелева. К сожалению, в библиотеке Никитенко брошюра не сохранилась.

Книга *Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу*, которая была издана в Лейпциге в 1872 году в издательстве Ф. А. Брокгауза, вероятно, была приобретена Никитенко за границей. Как известно, Н.И. Тургенев был одним из руководителей Союза благоденствия и видным членом Северного общества. После восстания декабристов он был заочно приговорен к смертной казни, но так как он находился за границей, то в Россию он не вернулся и стал политическим эмигрантом. Долгое время в России упоминание имен декабристов было под запретом.

Для ввоза и распространения в России были запрещены и четыре небольших по формату книги, изданные в Женеве Э.Л. Каспровичем в серии *Международная библиотека: Записки Ивана Дмитриевича Якушкина* (1874), *Материалы для биографии императора Павла I* (1875), *Материалы для биографии К.Ф. Рылеева* (1875), *Материалы для биографии А.С. Пушкина* (1875). Все они были запрещены для ввоза в Россию, поскольку материал, помещенный в них, был перепечатан из „Исторического сборника” и „Полярной звезды”, издаваемых А.И. Гер-

ценом. Можно предположить, что они были приобретены Никитенко во время его последней поездки в 1876 году по странам Западной Европы. На всех книгах этой серии имеется запись, сделанная уже в библиотеке университета: „Не подлежит выдаче. Библиотекарь С. Кузнецов”.

Таким образом, рассмотренные истории и судьбы даже нескольких книг, запрещенных царской цензурой к распространению, но сохранившиеся в библиотеке А.В. Никитенко, дают дополнительное представление о круге интересов её владельца – профессора-литературоведа и цензора. Источники поступления таких изданий в его библиотеку различны. Так некоторые книги были ему подарены, о чем свидетельствуют дарственные надписи, что делает экземпляр сугубо индивидуализированным. Другие книги он смог купить, а что-то взял в цензурном комитете „от печки”, как, например, экземпляр сочинения И.Е. Велькопольского *Янетерской*. Книги, изданные на русском языке в зарубежных странах, были им приобретены во время заграничных поездок. Сохранение „крамольных книг” в своей библиотеке характеризует Никитенко с положительной стороны, поэтому можно предположить, что в его отношении к книгам учёный-литературовед часто побеждал в нём цензора. На примере книг из библиотеки Никитенко показан небольшой эпизод в истории распространения запрещенных изданий в XIX веке в России, при этом нельзя не отметить, что связан он с человеком, который имел непосредственное отношение к действиям Петербургского цензурного комитета и Главного управления цензуры. Изучение запрещенных царской цензурой изданий – это только один аспект исследования состава книжного собрания А.В. Никитенко, которое требует системного подхода к его изучению, поскольку оно имеет большое историко-культурное значение как ценнейший книжный памятник своего времени.

Библиография

Алфавитный каталог изданиям, на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатыванию в России. Санкт-Петербург 1888.

Добровольский А. М. (1962), *Запрещенная книга в России, 1825-1904. Архивно-библиографические разыскания.* Москва.

Долгих У. М. (1977), *Цензурная история Некрасовского „Иллюстрированного*

альманаха”. „Русская литература”, №2, с. 122-126.

[Каталог, 1981] *Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Ч. 1: Книги А-М.* Москва.

[Каталог, 1982] *Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Ч. 2: Н-Я. Периодические издания.* Москва.

- Колосова Г. И. (2009), *А.В. Никитенко и Н.В. Гоголь (По материалам библиотеки А.В. Никитенко, хранящейся в Научной библиотеке Томского государственного университета)*. В: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Вып. 2. Москва, с. 90–108.
- Колосова Г.И. (сост.) (1983), *Русские нелегальные и запрещенные издания XIX века в Научной библиотеке Томского университета. Каталог*. Томск.
- Лемке М.К. (1904), *Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия*. Санкт-Петербург.
- Литературное наследство. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь.* (1952) Т.58. М., С. 614.
- Никитенко А.В. (1955а), *Дневник. Т.1: 1826-1857*. Москва.
- Никитенко А.В. (1955b), *Дневник. Т.2: 1858-1865*. Москва.
- Никитенко А.В. (1956), *Дневник. Т.3: 1866-1877*. Москва.
- Ястребов Е. Я. (1995), *Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому*. Томск.

Galina Iosifovna Kolosova
Książki XIX wieku, zakazane przez carską cenzurę,
w bibliotece profesora i cenzora A.V. Nikitienki

Streszczenie

Artykuł omawia niewielką kolekcję książek zakazanych przez carską cenzurę, które zachowały się w bibliotece A.V. Nikitienki. Przybliża historię księgozbioru, ponad 50 lat gromadzonego przez właściciela, a znajdującego się obecnie w zbiorach Biblioteki Uniwersyteckiej w Tomsku. Książka odegrała istotną rolę w życiu A.V. Nikitienki – wspierała jego samokształcenie i formowanie osobowości na drodze od chłopca pańszczyźnianego do akademika. W kolekcji odnaleziono 18 pozycji niedozwolonych przez cenzurę. Tytułem przykładu omówiono tylko niektóre publikacje, wyjaśniono przyczyny umieszczenia ich na listach druków zakazanych, przez co każdej z nich nadano rys indywidualny. Do tego celu wykorzystano zapiski dziennika, prowadzonego przez Nikitienkę na przestrzeni półwiecza. Zbadano zespół książek wydanych w języku rosyjskim w Berlinie i Lipsku, których rozpowszechnianie w Rosji uznano za nielegalne. Pokazano ich źródła wpływu do kolekcji – darowizny, poświęcone dedykacjami darczyńców; zakupy podczas wyjazdów zagranicznych; legalne zakupy jeszcze przed umieszczeniem książki na liście i konfiskata, a także tytuły ocalone przed spalaniem w komitecie cenzury. Egzemplarz utworu I.E. Wielkopolskiego *Янетерской* jest doskonałym przykładem udokumentowania przez Nikitienkę historii palenia konfiskowanych książek. Ocalenie wywrotowych książek dla swej prywatnej biblioteki pozwala przypuszczać, że w kontakcie z literaturą profesor-literaturoznawca często brał górę nad cenzorem. Kolekcja książek A.V. Nikitienki, jako cenny zabytek swoich czasów, ma wielkie znaczenie historyczne i kulturowe.